

Фарли повернулась и с сомнением посмотрела на Гарри. Потом взгляд её тёмных глаз быстро скользнул к маглам. Девушка, пожав плечами в жесте равнодушия, отошла от двери и вернулась в центр кухни, где стоял Гарри. Колдунья неторопливо направила палочку на Мардж. Очевидно, что эта толстая женщина не осознавала, что происходит и кто эта девушка в необычной одежде, но даже до её куцых мозгов дошло, что творится что-то из ряда вон выходящее, и это связано именно с подругой проклятого мальчишки, с брезгливым презрением смотрящей прямо на неё. Магла явно ощутила угрозу в её действиях и особенно от той странной штуки в руках, которую девушка направила ей в лицо. И наконец, до неё дошло, что в её немоте и ужасной боли в горле виновата эта мерзкая подруга Поттера. Говорить она не могла, поэтому громко замычала и затрясла головой, испуганно смотря на конец медленно разгорающейся палочки.

Волшебница резко взмахнула палочкой, и мычание Мардж заменили стоны и шипение. Её кожу словно обдало кипятком. Магла затрясла своими руками, которые сильно покраснели, а на ладонях у неё появились волдыри. Она явно испытывала сильную боль. Петунья, Вернон и Дадли бездумно пялились на эту экзекуцию, явно скованные волшебным дурманом. Фарли опустила палочку и облизнула пересохшие губы. Девушка искоса посмотрела на Гарри, и её лицо покинуло предвкушающее, жадное выражение, став спокойно-нейтральным.

— Может, хватит? — с намёком на спокойствие спросила она, возбуждённо дыша. Волшебница немного помедлила, сомневаясь, стоит ли предлагать дальше продолжить это, но всё же не удержалась. — Или ещё?

Гарри испытывал непонятное удовольствие, наблюдая, как Мардж мучается. Перед ним всплывали сцены унижений, которым подвергала его эта жирная женщина. Издевательства. Тот удар тростью по его ноге. Он словно ощущал фантомную боль от этого удара десятилетней давности, но наблюдая как женщина мучается, Гарри чувствовал облегчение. Теперь же он возвращает должок. Ещё большее удовольствие ему приносило то, что всё это происходит по его приказу, что Джемма Фарли преданно действует по его указке.

— Ну как тебе? — обратился он к Мардж тоном, полным злого веселья. — «Паршивец» говоришь, да?

Он шагнул ближе к ней, и маленькие глазки маглы с ужасом наблюдали за ним.

— Я ведь помню всё, что ты делала со мной. Что насчёт собачьего печенья? Превратим тебя в собачку. — Гарри повернулся к своей подруге. — Джемма, как ты на это смотришь?

На лице Фарли появилось удивление, но потом она улыбнулась и взмахнула палочкой в сторону напуганной женщины. Та вдруг затряслась, а её руки и лицо начали покрываться шерстью. Мардж начала превращаться в собаку. Женщина издала тоскливый всхлип, немного напоминающий вой, и уменьшилась в размерах. Она скрылась под грудой своей одежды, ставшей ей большой. Джемму это не устроило, и она плавным движением палочки заставила тряпье маглы взмыть в воздух, и на пол шмякнулась уже не Мардж, а толстый бульдог, точь в точь, как лежащий без движения Злыдень. У Гарри ёкнуло сердце при этом, но изо рта у него лишь вырвался злой смешок. Собака озиралась по сторонам совершенно по-человечески и с

самым шокированным видом.

— Накорми её печеньем! — Гарри взмахнул рукой, указывая на миску, стоящую на полу.

Там не было никакого печенья. В миске лежала неаппетитная вязкая смесь, состоящая из кусков частично пережёванного мяса и слюней Злыдня.

— Конфундус! — Джемма направила палочку на Мардж. Маленькие глазки бульдога утратили горевший в них человеческий ум, стали совершенно пустыми. Волшебница пару секунд смотрела на собачку, а потом приказала: «Жри из миски, животное. Съешь всё».

Мардж в виде собаки подошла к миске и начала поглощать остатки еды Злыдня, который продолжал лежать без движения.

— Под «показать маглам их место» ты это имела ввиду? — Гарри кивнул на то, как Мардж неумело кушала из миски: часть еды разлетелась по полу, и она вынуждена была жрать и слизывать буквально с него.

— Не знаю... Не совсем... — в голосе Фарли странным образом смешалось омерзение и удовлетворение своей властью. — Я как-то думала, что будет это почище, а не так.

Она повернулась к застывшим за столом Дурслям и начала разглядывать их. Её взгляд скривился от омерзения, когда она остановилась на толстом Дадли.

— Что за эта женщина? Почему так отзывается о тебе? — поинтересовалась волшебница, скривив свой носик.

— Сестра магла, — Гарри указал на Вернона и лишь потом сообразил, что Фарли спрашивает не об этом. — Она обычная магла, для меня она никто. Раньше, когда я был маленький... она плохо ко мне относилась.

Слова с трудом давались Гарри. Ему не хотелось расписываться в своей слабости перед девушкой. Улёгшаяся злость снова подняла голову. Теперь творимое не вызывало у него внутреннего протеста.

— Неплохо было бы и остальных наказать. Но под Конфундусом же они ничего не понимают. Какой в этом прок? — Гарри указал пальцем на Мардж, которая теперь языком вылизывала пол. — Она не понимает, что это унижительно, да и потом ничего не вспомнит. Это даже не наказание, а не знаю что.

— Думаешь? — Фарли зло улыбнулась и одним движением сняла с неё Конфундус. Бульдог застыл на месте, а потом издал совершенно человеческий вопль ужаса, от которого Гарри подпрыгнул. — Не беспокойся, я наложила чары. Мракоборцы снаружи ничего не услышат.

Мардж попыталась было повернуться к ним, но запуталась в своих же собственных лапах и упала.

— Этот, — Джемма указала на Дадли. — Я хочу ещё наказать его. Мне он давно не нравился.

— А какой смысл наказывать, если он ничего не понимает? — спросил Гарри.

— Я сниму Конфундус, и он будет всё понимать. Это как бы твои родственники, поэтому я относилась к ним сдержанно, но если можно, — Фарли покрутила рукой, намекая на продолжение.

— Сначаланими Конфундус, — бросил Гарри ей в ответ. Она взмахнула палочкой, и Дадли осоловело захлопал глазами. — А он же помнит то, что произошло с ним?

— Да, Конфундус изменяет восприятие человека ситуации. Например, если волшебник слабый, то заклинание подстраивает его поведение под заложенный приказ. Маг будет считать, что происходящее вокруг совершенно нормально для него, — Фарли оседлала своего любимого конька и принялась менторским тоном объяснять правила применения заклинания и его эффекты Гарри, словно они опять занимались Защитой от Тёмных Искусств рядом с его домом, а не на кухне рядом с замершими истуканом маглами. — На сильных волшебников оно действует куда слабее или может не подействовать вообще. Ну а про таких существ, как маглы, — она повела рукой в сторону Дадли, который теперь очнулся и с ужасом рассматривал их, дёргая за рукав платья свою маму. Но Петунья с отсутствующим видом смотрела куда-то в сторону. — Например, эти двое по моему приказу не воспринимают мои чары как что-то странное или необычное. Они про это никому не скажут даже случайно. И сейчас они послушны, словно эльфы. Хотя куда более бесполезные, — с омерзением добавила Фарли. — Я уже тебе говорила, какие огромные средства расходует моё Министерство, чтобы скрывать нас от этих. А ведь золото можно было тратить на более достойные вещи.

— Что-что... — непонимающе забормотал Дадли.

Гарри не знал, куда девать свои руки, и снова бросил взгляд на подписанное для него разрешение на посещение Хогсмита. Пергамент немного был смят, а некоторые буквы на нём даже стёрлись, так как у парня вспотели руки. Получив подпись Петуньи несколько минут назад, он мог просто уйти и уже был бы у себя дома.

— И что ты хочешь на нём применить? Какое заклятие? — ощущение власти над проклятыми маглами теперь, когда он мог не сдерживаться, опьяняло его. Гарри чувствовал, как в жилах у него стучат все двенадцать лет ненависти к Дадли... К Дурслям. Прямо сейчас он может заставить их заплатить, заколдовать магла так, что он... Хотя какая-то часть Гарри буквально кричала о том, что всё происходящее неправильно. Но разве не этого он хотел, когда думал, что станет взрослым волшебником и сможет за себя постоять? И разве не это он обдумывал, когда рассматривал вариант, что позволит Дурслям жить у него дома, с целью защитить их от Блэка, и то, что они окажутся полностью в его власти, так как у себя он может

спокойно применять магию? Гарри вспомнил, что думал о том, как будет Блэк мучить его родственничков, если доберётся до них. — Быть может, ты хочешь на них потренировать Круциатус?

Царившее на лице девушки какое-то жадное выражение дрогнуло. Оно сменилось на растерянное, которое быстро уступило чем-то другому: то ли сожалению, то ли испугу. Но Гарри не видел этого.

— Нет, я такие чары не буду применять, — наотрез отказалась Джемма.

— Надо же, я думал, что ты хочешь. — Гарри почувствовал, как Фарли дала слабину, услышал страх в её голосе. Она слабее его. — Тогда, может, что-то другое? Например, когда прошлый раз Дадли столкнулся с магом, с Хагридом, то тот его чуть не превратил в свинью. Что насчёт того, чтобы повторить успех Мардж? — Гарри указал на бульдога. — Хотя лесник не умелый маг и не справился, наколдовав лишь свиной хвостик у него на заднице. Хм, а что насчёт щупалец? Преврати его руки и ноги в щупальца, как у осьминога.

Лицо Фарли вздрогнуло. Дадли затряс руками, и из его уст раздалось сдавленное «Не надо!»

Он вскочил со стула, пытаясь убежать. Девушка немного побледнела, но взмахнула палочкой, и брат Гарри окутался фиолетовым сиянием. Вместо рук и ног у него появились тёмные отвратительные щупальца с присосками по краям. Он громко завопил и не смог удержаться на этих скользких конечностях, рухнув на пол.

Мардж, тонко взвизгнув, неожиданно бросилась в попытке укусить Фарли, с трудом перебирая своими короткими лапами, но быстрый росчерк волшебной палочки, и в ту угодил красный луч. Обездвиженная Мардж замерла на полу в паре футов от Злыдня.

Гарри, сглотнув слюну, подытожил:

— Неплохо было им заплатить за всё. Честно говоря, Джемма, жизнь у меня была здесь не сахар. Хочу, чтобы они заплатили за двенадцать лет моего существования здесь. Как я понимаю, ты можешь сделать так, чтобы они помнили о том, что произошло, но не могли ничего по этому поводу предпринять, пожаловаться?..

— Да, могу, — отстранёно ответила Фарли и несколько раз взмахнула в сторону Петунии и Вернона. Маглы ошеломлённо заморгали, затрясли головами, пока не увидели стонущего сына, который никак не мог подняться из-за произошедшей с его телом метаморфозы, опираясь на свои руки-щупальца и с ужасом разглядывая присоски.

Издав нечеловеческий вопль, Петунья бухнулась наземь рядом с Дадли и ухватилась за конец щупальца, попытавшись выдернуть его. Дадли взвыл от боли и попытался отпихнуть её от себя. Вернон заорал, как раненый носорог, и бросился к Джемме и Гарри, сжав кулаки, но

заклинание волшебницы бросило его на колени.

— Вы... чокнутые маги! — он еле хрипел, не находя слов от ярости и ненависти.

— Выбирай выражения, животное! — слова Фарли хлестнули его не слабее заклинания. — Иначе я вас верну к тому состоянию и облику, которые вам больше подходят, чем теперешние. Уж больно вы похожи на людей, словно маскируетесь под нас.

Магл открывал и закрывал рот, словно выброшенная рыба на берег суши. Он не мог подняться, а теперь ещё колени отдались запоздалой болью, когда заклинание заставило его рухнуть на них.

— Гарри, прости меня! Прости нас! — раздался голос Петуньи. Гарри повернулся к ней. Его тётя обнимала Дадли и поглаживала его по голове, пытаясь успокоить. — Пожалуйста, расколдуй моего сына. Это моя вина, не его! Это я завидовала твоей матери! Завидовала, что она волшебница, а я обычная. Только я виновата! Поэтому плохо относилась к тебе. Пожалуйста, умоляю, прости меня! Только не трогай моего сына.

Гарри почувствовал озноб, глядя на истерику женщины. Он хотел этого? Теперь он удовлетворен?

— Довольно, тётя Петунья, — тихо сказал Гарри Поттер. — Вы просите прощения за те годы, что я жил у вас, словно слуга? Я не прощаю. И я ничего не забываю. Двенадцать долгих лет здесь... Сейчас мы расколдуем вашего сына и уйдём. Ради памяти моей матери, вашей сестры. Я уверен, что если бы вы умерли тогда, а не мои родители... Что будь она на вашем месте, то постаралась заменить Дадли маму... вас... Любила бы его не меньше, чем меня. Окружила бы любовью и заботой, а не... — парень покосился на стоящую рядом волшебницу. — Не важно. Мы уйдём, но вы будете жить в страхе, что в любой момент мы можем вернуться. Вы никогда не сможете ни уехать, ни спрятаться, будете прикованы к этому дому и всегда вынуждены носить маску абсолютно нормальной и добропорядочной семьи для всех соседей, как вы всегда сами и хотели. Ну а внутри вы будете трястись от страха при мысли о том, что мы можем снова явиться к вам. И вы никому не сможете пожаловаться, ни словом, ни взглядом выдать свой ужас. Джемма об этом позаботится. И через двенадцать лет, может быть, я вас прощу... Если только Сириус Блэк не доберётся до вас раньше и не прикончит. Сначала я хотел вас пожалеть и как-то защитить от него, но, вернувшись сюда, и пробыв в этом доме день, и заново пережив, и вспомнив, как здесь я жил, у меня не осталось к вам сочувствия.